

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Дарья Калинина

Фальшивый
золотой
ключик

Смешные детективы

Дарья Калинина

Фальшивый золотой ключик

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Фальшивый золотой ключик / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2019 — (Смешные детективы)

ISBN 978-5-04-103184-8

Милая и симпатичная Таня, как и многие молодые женщины, не очень ладит с родственниками своего мужа. Но она совсем не рада, когда ее свекровь умирает от неизвестного лекарства, принятого во время семейного ужина! Пытаясь отвести от себя подозрения, Таня собирает информацию о загадочной клинике восточной медицины, которую свекровь посещала накануне гибели. Более того, ее муж явно что-то от нее скрывает: его тайна касается неких Ключей, элементов таинственной Игры...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103184-8

© Калинина Д. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дарья Александровна Калинина

Фальшивый золотой ключик

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Калинина Д. А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Глава 1

Поднимаясь по лестнице к себе домой, Таня уже чувствовала неладное. Как говорится, пятой точкой. Вот ею, родимой, Таня и чувствовала приближение неминуемой беды. И ведь не ошиблась! Гроза пришла в ее дом. И не просто пришла, а еще и плотно обосновалась там.

Стоило Тане распахнуть входную дверь в свою квартиру, как до нее донесся голос любимой свекрови:

– А я тебе давно говорила, сынок, не ровня она нам. Не годится она для нашей семьи. Невоспитанная, несдержанная, необразованная.

Все это было, конечно, о ней, о Тане. Основные претензии были озвучены свекровью и прежде. Все это Таня слышала от нее, и не раз. Невоспитанная – то есть деревенщина. Несдержанная – значит, манеры хромают. А необразованная это о том, что молодая невестка в свое время не озаботилась приобретением диплома о высшем образовании, и это стало вечным камнем преткновения между ней и свекровью. Свекровь постоянно твердила Тане, что у них-то в семье вот уже пять или шесть поколений все гуляют с дипломами, а то и с двумя или даже тремя. И Таня своей «бездипломностью» портит им всю картину. Правда, свой собственный диплом свекровь Тане никогда не показывала. Наверное, боялась, что та ослепнет от такого зрелища.

– Мама, перестань.

Муж пытался протестовать, впрочем, достаточно робко и вяло, чтобы его кто-нибудь стал бы слушать. Свекровь точно не стала.

– Это я еще и не начинала, сыночек!

И свекровь с упоением продолжила перечислять недостатки своей невестки:

– Неаккуратная, неряшливая, просто невозможная! А как она себя ведет со мной и твоим братом! Позволяет себе жизни нас учить! Соплюха!

Таня замерла на месте. Кровь застучала у нее в висках, и она почувствовала, как ноздри у нее сами собой раздулись, жадно вдыхая воздух. Нет, кидаться в драку она не собиралась. Все эти упреки были Тане давным-давно хорошо известны. Она даже не стала заострять на них внимание. Все это было обычным речитативом, вторившим каждому появлению свекрови на горизонте.

В первое время своего существования в семье Егоровых наивная Таня по неопытности несколько раз пыталась доказать свекрови всю несостоятельность ее обвинений. Думала, что если поговорить по душам с мамой в законе, то свекровь поймет, что ошибается на ее счет. Поймет, что Таня милая и пушистая, настоящее сокровище для всех. Но получалось только еще хуже. Мирного разговора не получалось. Свекровь моментально кидалась в бой. И Тане всякий раз приходилось отводить свои полки с огромными потерями. Так что больше пробовать Тане не хотелось. Куда сильней, чем о битве, Таня сейчас помышляла о трусливом бегстве.

Но куда пойдешь? Вечер на дворе. Придется идти и сдаваться на милость врага. И все же кое-чему военные действия научили Таню. В первую очередь научилась она тому, что перед выходом на сцену предстоящей баталии нужно изучить диспозицию. И сейчас исключительно с целью выявления сил противника Таня пересчитала взглядом выставленную в прихожей обувь. И помимо воли у нее из груди вырвался вздох облегчения. Посторонняя пара обуви была всего одна.

– Какое счастье!

Значит, свекровь заявила к ним в гости без Вали – своего второго сынка. Ну, одну свекровь еще можно как-то вытерпеть. Ночевать она у них не останется. Не любит она на чужих перинах почивать. Тем более что Таня такая неряха, свои пуховые подушки и одеяла из верблюжки чистит не чаще двух раз в год. У такой останешься ночевать, всю ночь от блох и кле-

щей провертишься без сна. В вопросе чистоты свекровь доверяет лишь самой себе, к себе она и утопает.

Время уже позднее. Через час свекровь всяко начнет собираться домой. Она привыкла ложиться спать рано. Поэтому Таня проворно изобразила на лице самую приветливую из своих улыбок и помчалась на кухню, приветствовать мать своего мужа. Но там ее поджидал новый удар. Влетев на кухню, Таня замерла, чувствуя, как заранее заготовленная улыбка сползает с ее лица. Нет, рано она обрадовалась. Свекровь явилась не одна, а в компании со своим младшим сыночком. Просто Валька не счел даже нужным снимать в прихожей обувь, так и протопал по намытым полам, таща в квартиру всю грязь с улицы.

Ну, и кто после этого в семье Егоровых неряха? Или Валя считает, что полы дома у брата доведены невесткой до такого безобразного состояния, что на улице и то чище? Возможно, что и так. А возможно, братец просто не дал себе труда даже задуматься о том, что, придя в дом, хорошо бы снять обувь. У ног уже образовалась приличная кучка песка и грязи, и Тане стало жалко недавно уложенный ламинат и свои труды по его намыванию.

Появление Тани не осталось незамеченным.

– Явилась, красавица! – ядовито приветствовала ее свекровь. – И где же ты шаталась столько времени? Рабочий день у тебя заканчивается в шесть. А сейчас уже начало девятого. Где ты была?

– В магазине.

– Тогда уж говори прямо, в магазинах. Во множественном числе. За обновками все бегаешь?

– Продукты покупала.

– Два часа?

– Да, искала, где посвежей и подешевле.

– А ты не огрызайся, дорогуша. Не огрызайся! Помни, что я мать твоего мужа. Подарила тебе самое дорогое, что у тебя есть. Уже за одно это ты должна ноги мне мыть и воду с них пить. А что у тебя с лицом?

Таня взглянула в зеркало. Действительно, от приветливой улыбки, которую она нацепила на себя, давно уже не осталось и следа. Теперь ее лицо было перекошено какой-то зверской гримасой.

– Мама, похоже, что она не рада нас с тобой видеть.

Это уже выступил Валя, который до этого молчал не по врожденной кротости натуры, а по причине занятости рта котлетой. Котлета эта была последняя из двух десятков котлет, которые Таня нажарила сегодня утром перед работой, нарочно встав для этого на часок пораньше. И вот все это – и купленное у фермера мясо, и промолотый из него собственноручно фарш, и свежая зелень, и обжаренный лучок, и белые, размоченные в сливочках сухарики, – все это исчезло в бездонных утробах матери и братца ее мужа.

Нет, не то чтобы Тане было жалко котлет. Хотя да, котлет было жалко. И еще было жалко потраченных сил и хлопот, и самое главное, самой Тане не досталось ни одной котлетки. Она взглянула на сковороду и убедилась, что та пуста. Сожрали все подчистую! А им бы с Саней хватило этих котлет на неделю. И еще собаку бы угостили.

– Кстати, а где Дита?

Собаки на кухне не наблюдались. И уже одно это многое говорило о характере гостей. Лакомка Афродита при первой же возможности старалась разжиться чем-нибудь вкусеньким. А уж при поедании котлет она должна была дневать и ночевать на кухне.

– Куда же она делась?

И тут свекровь изрекла:

– Собаку вам придется отдать!

У Тани отвисла челюсть. Это еще что за новое кино?

– С какой стати?

– У Вали выявлена аллергия на собак, – объявила ей свекровь. – А при его астме ему необходимо избегать попадания аллергена в кровь. Любой клочок собачьей шерсти способен спровоцировать приступ астмы. Ты ведь не хочешь, чтобы брат твоего мужа задохнулся?

Да как сказать!

Разумеется, вслух Таня этого не сказала. Не такая она была дурочка. И себе не враг. Вместо этого она пошла и выпустила Диту, которую муж по требованию своей матери запер в комнате. Дита вылетела с воплями и жалобами и тут же принялась крутиться возле ног Тани. От невозможной радости, охватившей все ее тельце, Дита так тряслась, дрожала и вибрировала, что на пике эмоций даже слегка описалась. Взяв собачку на руки, Таня была тут же атакована и вылизана розовым язычком.

Собачка была крохотная. Русский той-терьер, да еще сучка не имеет права весить больше трех килограммов. Дита весила от силы полтора. Шерстка у нее была коротенькая, не шерсть, а какой-то пушок. Лапки тоненькие. Мордочка маленькая. Какие там аллергены! Какие клочки шерсти! Да это же один сплошной ступор любви и радости. Только такие вреднюги, как свекровь и ее сынок, могли бояться вреда от собак.

– Дита, девочка моя, они тебя обижали?

Но Дита уже не помнила зла. Хозяйка пришла, взяла ее на ручки, приласкала, и все в ее собачьей жизни снова было прекрасно. Правда, котлет не досталось, но Дита еще утром до отвала наелась мясного фарша и до сих пор была порядком сыта.

– Нет, я прекрасно отношусь к вашей Афродите, – снисходительно произнесла свекровь из кухни. – Она очаровательное создание, но сколько денег вы на нее тратите! Это же уму непостижимо. А ты знаешь, Саня, твоему брату снова прописали курс капельниц. Какое-то новое лекарство, врач уверен, оно должно ему помочь.

Услышав про новые капельницы, Таня наострила уши. Теперь ей стало ясно, с чего вдруг свекровь с сыночком почтили их своим визитом. Не в одних только котлетах дело было.

– Ох, зря, Танюша, ты надеялась, что одними котлетами дело обойдется.

– Лекарство импортное, купить его у нас в стране возможно, но стоит оно недешево. Нам с Валею по нашим доходам такое не потянуть.

И свекровь принялась вздыхать и плакать, как это ужасно быть бедными. Прямо хоть ложись и помирай. Таня слушала и заранее знала, чем все кончится. Деньги на капельницы Саня даст. Это было ясно, как дважды два. Таню волновал лишь размер суммы, которую им предстояло потерять.

– Каждая ампула стоит четырнадцать тысяч. На курс их нужно десять.

Сто сорок тысяч! У Тани даже дыхание перехватило. Это было почти все, что у супругов оказалось накоплено к этому моменту. И это полностью переворачивало все их планы на лето. Никакой поездки в Европу, никакого отдыха у моря, будут сидеть у ее мамы на даче, копать грядки и выслушивать указания свекрови, которая тоже туда прикатит вместе со своим сыночком. А как же! Вечно больному Вале тоже нужен свежий воздух! И свежие огурчики! И свежая зелень! А потом и яблочки, и слива, и, конечно, ягоды с грядок.

Да один Валя был способен полностью уничтожить весь урожай клубники, что он, кстати говоря, и делал с неизменной регулярностью. Таня уже стала забывать вкус родной маминой клубники. Все последние пять лет ягоды поедал исключительно один Валя, потому что больной и ему нужны витамины. Свекровь так всех убедила в том, что Валя нуждается в исключительном к себе отношении, что даже Галина Васильевна – мама Тани – старалась сунуть Вале лучший кусочек.

Чем именно был болен ее новый родственник, Таня так толком и не сумела понять. У Вали было все, начиная от артрита и заканчивая гидроцефалией, другими словами, водянкой головного мозга. Голова у него и впрямь была великовата, и форма у нее была несколько стран-

ной, расширяющейся кверху, но в целом соображал Валя хорошо. И выгоду чуял за версту. Особенно если это касалось его драгоценной персоны.

А вот аллергия у него была решительно на все. Ну, кроме клубники, разумеется. А так на все – на бумагу, на пыль, на дерево, на краску. Поэтому работать Валя не мог. Выполнять домашнюю работу тоже. Свекрови приходилось нанимать домработницу, которая трижды в неделю приезжала к Вале и наводила порядок в его квартире и готовила ему обед. Три других дня та же самая женщина приходила к свекрови, которая из-за диабета и высокого давления не могла заниматься уборкой сама.

Оплачивались эти визиты из кармана Тани. Почему из ее кармана? Ну, сначала Тане было предложено самой взяться за обихаживание свекрови и вечно больного Вали. Но Таня как-то быстро выдохлась. Пахать на четыре фронта – на три домашних фронта и еще один свой собственный рабочий фронт – у молодой женщины при всем желании не получалось. Но Саня был так уверен, что Таня поможет его близким... У Тани духу не хватило разочаровать любимого мужа отказом. И она нашла женщину, которая за сравнительно небольшие деньги согласилась ухаживать за двумя этими персонажами. Таня платила домработнице по пять тысяч в неделю, но не считала это слишком высокой платой за ее труд. Ведь Зое Михайловне приходилось еще и выслушивать всю ту лабуду, что несли ее свекровь и ее сынок. А уже одно это могло быть приравнено к настоящей каторге.

Лично у самой Тани уже после десяти минут плотного общения с родственниками делались нервные судороги, и она вся целиком покрывалась отвратительными красными пятнами. За годы супружества у нее тоже образовалась самая настоящая аллергия, вот только избавиться от двух ходячих аллергенов было сложновато.

Стоя в задумчивости, Таня услышала голос свекрови:

– Саня, ты должен понимать, что твой брат тяжело болен. Он не может жить в грязи. А от собак одна грязь! Афродиту надо отдать. Вот я тут нашла телефон одного приюта для животных, там с удовольствием берут таких собачек. Она ведь у вас с родословной? Думаю, что без труда удастся подобрать ей новых хозяев.

У Тани даже глаза на лоб полезли, когда она услышала, как свекровь походя распоряжается ее жизнью. Не то чтобы у Тани были какие-то иллюзии на этот счет, но все же. Таня могла бы стерпеть в отношении себя все, что угодно. И даже в отношении своей мамы стерпела бы. А в отношении мужа и говорить нечего. Но, в конце концов, все они были взрослые люди, способные при необходимости дать свекрови отпор. А маленькая Дита даже разговаривать на человеческом языке не умела! Она была полностью беззащитна перед кознями свекрови. Она нуждалась в защите своей хозяйки. И ради собачонки Таня ринулась в бой со свекровью.

Итог его был заранее предсказуем. Свекровь уехала от них на карете «Скорой помощи». Валя покрыл Таню отборным матом, уверяя, что она это затеяла специально, желая смерти его матери. Саня помалкивал, но на жену поглядывал весьма сурово. И он тоже не одобрял ее выходки. После всего случившегося Валя остался у них. И до поздней ночи братья сидели на кухне, откуда беззастенчиво выставили Таню. И она не сомневалась, что за ночь брат так основательно промоет мозги ее мужу, что утром тот будет сам не свой.

Таня несколько раз вставала и звала мужа спать, но тот ее как не слышал. Заснуть одной у Тани не получалось. Слишком она была взволнована и возмущена поведением родственников мужа. Даже Дита, прикорнувшая у Тани под бочком, казалось, чувствовала нервозность своей хозяйки, то и дело взвизгивала и подергивалась во сне. Поняв, что мужа ей в постель не заманить, Таня прокралась к кухне и стала слушать, о чем идет разговор у них с братом. Конечно, подслушивать совсем некрасиво. Не тому ее учили в детстве, ох, совсем не тому. Но надо ведь знать, что затевает против нее враг.

К ее удивлению, речь у братьев шла совсем даже не о ней.

– Да, ты прав. Сталактиты ни тебе, ни мне обойти не удастся.

- Их вообще кому-нибудь удавалось проходить?
- Думаю, лучше взрывать.
- Своды могут рухнуть.
- А если их раздолбить? Отбойным молотком?
- Как ты его в пещеру спустишь?
- Можно придумать. Сталкер поможет, если что.
- Тогда с ним делиться придется уже основательно.

– Лучше часть отдать, чем все потерять. Пещеру уже затапливало два раза. Правда, оба раза вода ушла, но где гарантия, что после строительства новой плотины уровень воды в округе не изменится? Вдруг затопит и навсегда? Тогда мы до заветного ключа никогда не доберемся.

Таню разговор так заинтересовал, что она сунулась на кухню. Но при виде нее братья тут же умолкли. И как ни расспрашивала их Таня, они упорно делали вид, что ничего не понимают. Пришлось Тане уйти обратно. Своим появлением она сделала только хуже, потому что теперь братья держались настороже, перешли на шепот, и ей больше не удалось ничего подслушать.

Муж появился в спальне лишь в первом часу ночи.

- Спи, спи, – сказал он ей, предваряя все расспросы. – А мы с Валей отъедем ненадолго.
- Куда это вы собрались?

Таня вообразила, что муж прямо сейчас отправится вместе со своим братом долбить сталактиты в неведомой пещере. Подслушанный разговор не давал ей покоя. Но все оказалось не так страшно.

– Звонил врач из приемного покоя, маме стало лучше, она просила привезти ей кое-что из ее вещей. И полис.

– У меня завтра в офисе совещание в десять утра, – поспешно сказала Таня. – Так что я с вами не смогу. Я должна выспаться.

– Думаю, что тебе и не нужно ехать. После сегодняшнего разногласия между вами тебе лучше маме на глаза какое-то время не показываться, чтобы лишний раз ее не нервировать.

- Ну, если ты считаешь, что она не обидится.
- Я скажу, что ты очень сожалеешь о своем поведении.
- Но Диту я не продам!
- Кто же ее купит.
- И не отдам!

– Согласен, мама несколько перегнула палку. Но это же она исключительно из любви к нам всем. Ничего, сейчас мы с Валей поедem к ней, и все утрясется. Не волнуйся, если я домой ночевать сегодня не вернусь.

– Почему?

– Наверняка мы с Валей привезем маме не те вещи, она нас пошлет за другими. А от ее дома до больницы всего два шага. Мы с Валей переночуем у мамы дома.

– Ну... Хорошо.

И муж ушел. А Таня легла спать. Она повертелась немного, устраиваясь поудобней. Но никак не могла найти позу, чтобы уснуть. Так прошло полчаса или даже больше. А потом Таня вдруг резко села в кровати. Она поняла, что не давало ей покоя все это время и не позволяло уснуть. Шофер на «Скорой» сказал, что свекровь повезут в Покровскую больницу, а это было совсем недалеко от их с мужем дома. Но от дома свекрови до Покровской приличный конец. Зачем же муж поехал ночевать туда?

Отчего-то встревожившись, Таня позвонила мужу. Но телефон у него оказался недоступен. Таня звонила снова и снова, пока не убедилась, что муж брать трубку не намерен.

Уснула она с трудом, убаюкав себя мыслью, что утро вечера мудренее и утром все как-то само собой возьмет и наладится.

Но утром все стало еще хуже. Муж не нашелся. Телефон его был по-прежнему выключен. И не успела Таня добраться до своего рабочего места, как к ней пожаловал визитер. Был он высок, широкоплеч, и в глубине его серых глаз плясали золотистые искорки. Тане он приглянулся. Не то чтобы она целенаправленно подыскивала замену Сане, но смотреть на других мужчин ведь никто не запрещает.

– Следователь Орлов, – представился симпатяга. – Можете уделить мне несколько минут своего времени?

Ничем особенным Таня не была занята. Нетрудно догадаться, что никакого совещания сегодня утром у них на работе не проводилось. Это была выдумка, маленькая ложь, чтобы избежать очередной встречи со свекровью. И все же, согласитесь, когда у вас рано утром на работе появляется следователь, который хочет с вами побеседовать, это всегда настораживает.

И Таня протянула:

– М-да...

– А что так неуверенно?

– Я вас слушаю.

– Нет, это я вас слушаю.

– Не понимаю. Вы по какому вопросу ко мне явились?

Следователь долго смотрел ей в лицо, а потом сказал:

– Ваша свекровь скончалась сегодня ночью.

– Ой!

– Хотите сказать, что не знали об этом?

– Нет! – с искренним изумлением воскликнула Таня. – Откуда?

– Вы же были у нее.

– Я? Нет, не была. Вы ошибаетесь. Вечером свекровь была дома у нас с мужем в гостях.

– Она у вас, вы у нее, разница невелика. Значит, плохо ей стало уже у вас в гостях?

– Ну... да. Ей стало плохо. Но вы это так говорите, словно это как-то связано между собой. То, что она была у нас. И то, что ей стало плохо.

– А разве никакой связи тут нет?

– Ей могло стать плохо где угодно! В транспорте! В поликлинике! В театре!

– Однако плохо ей стало именно у вас в гостях, – настаивал Орлов. – Что вы ей давали?

– Она сама все взяла! Все, что я наготовила на неделю!

– Я имею в виду какие-нибудь медицинские препараты вы ей давали?

– Из лекарств? Лично я – ничего ей не давала. Муж что-то из ее таблеток нашел в сумке и дал ей.

– Что именно?

– Спросите у него.

Следователь кашлянул.

– Пока это невозможно.

Невозможно? Почему невозможно? Но прежде чем Таня успела задать следователю этот вопрос, он задал ей уже свой:

– Вы знали, что у всех троих ваших близких – свекрови, мужа и его брата – существует сильнейшая аллергия на препарат альбрукатин?

– Понятия не имела.

Таня говорила чистую правду. Она и про брули... али... Она и про этот препарат слышала впервые.

– Ваша свекровь вам на аллергию никогда не жаловалась?

– Вообще-то свекровь крепким здоровьем не отличалась, но именно про этот препарат она мне ничего не говорила. А в чем дело?

– Позвольте вопросы сейчас задавать мне.

Сказано это было таким тоном, что Тане не оставалось ничего другого, как пожать плечами и промямлить:

– Задавайте.

– Вчера вы кормили своих близких ужином?

– Не совсем так. Когда я пришла, от ужина уже ничего не осталось. Они все съели до моего прихода.

– Что ели?

– Котлеты.

– И все?

– И еще салат из свежих овощей муж порезал. Помидоры, огурцы, зелень, лук. И еще хлеб на столе стоял. И тарелка с мясной и сырной нарезкой.

– Все?

– Кажется, маслины еще стояли. Не помню точно, я не приглядывалась.

– Вы ели вместе с остальными?

– Нет, я же говорю, к моему приходу от котлет остались одни воспоминания. Салата мне не хотелось. Да и сидеть с ними за одним столом, если честно, тоже не хотелось.

Таня сама не знала, зачем прибавила последнюю фразу. Но, к ее удивлению, Орлов от ее слов ненадолго завис. А когда снова заговорил с Таней, тон у следователя вроде как даже смягчился.

– У вас с семьей вашего мужа были плохие отношения?

– Обыкновенные. Свекровь любила всем попилить мозги. Валя тоже не подарок. Не могу сказать, что я от свекрови была в восторге, но родня, приходилось терпеть.

– И вы терпели?

– Ну да. Терпела и терплю. А что мне остается делать?

– Например, избавиться от всех троих разом.

– От кого это троих?

– От свекрови, мужа и его брата.

– Бред! От мужа я совсем не собираюсь избавляться. Я его люблю. Ради него и свекровь с ее сыночком приходилось терпеть. Любви у меня к ним не было и нет, но этикет требует, чтобы я соблюдала определенные правила в отношении с ними. Правда, они эти правила то и дело нарушали.

– А чем вы занимались вчера в промежутке между полуночью и двумя часами ночи?

Таня изумилась.

– Я была дома.

– И кто это может подтвердить?

– Кто? Да муж может.

Таня сказала и прикусила язык. Муж-то ушел из дома около половины первого.

– Кто-нибудь еще?

– Валя... его брат.

– А еще?

– Нет, больше никого не было. Свекровь к этому времени уже увезли в больницу.

– И вы знали, в какую именно больницу ее повезли?

– Врач на «Скорой помощи» говорил, что повезут в дежурную.

– Но в какую именно?

– Кажется, в Покровскую. Это у нас на Васильевском острове. Да, помню, водитель еще радовался, что ехать недалеко.

– Недалеко. За полчаса туда даже пешком от вашего дома дойти можно.

– Наверное, – согласилась с ним Таня и спросила: – А в чем, собственно, дело? Вы что, меня подозреваете в чем-то?

Орлов взглянул на нее с сочувствием.

– Дело в том, что ваша свекровь скончалась прошлой ночью не сама по себе, а от сильнейшего анафилактического шока, вызванного приемом альбрукатина.

– И что? При чем тут я? В больнице что-то не то вкололи, врачебная ошибка. Очень жаль, что это случилось именно с моей родственницей. Но такое случается.

– Дело в том, что врачи к этому не имеют отношения. Альбрукатин попал в организм вашей свекрови вместе с последним приемом пищи. По времени это совпадает с ужином у вас дома.

– Повторяю, я не занималась застольем. Я пришла позже. Спросите у мужа, чем они с Валькой напичкали свою маменьку.

– К сожалению, это невозможно.

– Да почему же?

– Оба пострадали от действия того же препарата. И находятся в тяжелом состоянии в реанимации.

Вот теперь Таня по-настоящему испугалась. У нее даже дар речи временно пропал. Просто открывала и закрывала рот, не в силах выдать из себя ни единого членораздельного звука. Хлопала глазами и тарасилась на Орлова с видом конченной идиотки. Сама прекрасно понимала, как нелепо сейчас выглядит, но ничего не могла с этим поделать.

Глава 2

Когда Таня обрела возможность изъясняться связно, а случилось это лишь после того, как Орлов принес ей воды. За ней следователю пришлось ходить в коридор, где он нацедил ей целый стакан из офисного кулера.

Таня с благодарностью выпила всю воду до самой последней капли, а потом выпалила:

– Что это за препарат хоть такой? С чем его едят?

– Принимают в случае сильного повреждения костной ткани организма. Иногда прописывают при серьезных травмах, он помогает наращивать новую здоровую ткань.

– Никогда о таком не слышала.

– Средство не слишком широко распространено. Оно имеет кучу серьезных противопоказаний. Польза от его применения весьма спорна. Нет, кости срастаются чуть ли не в десять раз быстрее. Но зато потом человек может получить целый букет заболеваний, начиная от гормональной недостаточности и заканчивая... даже не хочу говорить чем.

Таня покачала головой.

– Но у нас вроде бы никто руки-ноги не ломал. И препаратом таким мы не пользовались. Никогда о нем даже не слышала.

– Тем не менее ваша свекровь приняла его внутрь в лошадиной дозе. Вместе с котлетами.

На секунду Таня испытала что-то вроде злорадства. Так вот, оказывается, кто сожрал все ее котлеты! Совсем не мужики, как грешила на них Таня. Это свекровушка отужинала двадцатью котлетками! А еще нос воротила, хозяйка Таня плохая, готовит ужасно. А не надо было тогда столько котлет хомячить! Глядишь, и цела бы осталась! Но тут же Таня устыдилась своих мыслей. Как она может так думать, когда свекровь мертва? Хорошая или плохая, но она не заслуживала того, чтобы скончаться вот так глупо и нелепо, приняв вместе с котлетами вредное ей лекарство.

– Погодите, но если я в котлеты этот альбруканин...

– Альбрукатин.

– Пускай будет по-вашему. Но я его в свои котлеты все равно не клала.

– Уверены?

– Точно не клала. И тогда лекарство могло очутиться у свекрови в желудке лишь вместе с другими таблетками, которых она наглоталась, пока «Скорая» ехала к нам.

– Долго ехала?

– Минут двадцать ждали. Свекровь выпила несколько таблеток. Я это хорошо помню. Валя искал у нее в сумке нужную упаковку, которая куда-то завалилась. На обычном месте ее не было. Потом мой муж тоже искал, потом нашли они эти таблетки, и все трое их выпили!

– Все трое? Вы это хорошо помните?

– Да.

– А вы?

– Мне они подлечиться не предложили. Кто я такая, чтобы сметь на что-то там претендовать? Свекровь сказала своим мальчикам, что они тоже должны выпить, чтобы успокоиться. Вальке она скормила целых четыре штуки. Мужу досталось две. Мне ни одной.

Хотя успокаиваться полагалось как раз Тане. Именно на нее излился весь желчный характер свекрови.

– Понятно. Значит, альбрукатин они выпили сами?

– Нет-нет, – запротестовала Таня. – Что вы! Не пили они альбруканин.

– Альбрукатин.

– Какая разница, – отмахнулась Таня. – Они пили что-то от нервов и от сердца. Валидол и еще что-то такое же проверенное и безвредное. Никаких новых таблеток я у свекрови

не заметила. Старые, знакомые всем с детства названия и упаковки. Безопасные и отлично помогающие. Свекровь этот препарат, бывало, по десять таблеток в себя закидывала. И тут она много приняла.

Орлов кивнул головой:

– Я разговаривал с врачами. Они говорят, что при поступлении состояние пациентки не вызывало у них опасений. Сердцебиение несколько учащенное, давление слегка повышено, но все в пределах допустимой нормы. Угрозы для жизни не было. Они направили ее в отделение, где женщину поместили в палату. Сделали ей укол снотворного и оставили отдыхать до утра. И вот там ее состояние внезапно и резко ухудшилось. Она стала задыхаться. У нее участился пульс. Температура моментально подскочила до сорока двух градусов. Все это произошло настолько внезапно, что даже принятые врачами экстренные меры ни к чему не привели. Кроме того, аналогичные симптомы продемонстрировали двое прибывших в больницу чуть позднее мужчин, как я понимаю, ее сыновья. Но им повезло больше. Один свалился прямо в приемном отделении, так что его быстро доставили в реанимацию. Состояние второго было не настолько критическим, обошлось без интубации. Его просто поместили в палату интенсивной терапии под круглосуточное наблюдение. Врач сказал, что у всех троих это похоже на анафилактический шок. Стали выяснять, на что у них была аллергия. В сумке покойной нашли бумаги, в которых в числе всего прочего, на что у нее была аллергия, числился альбрукатин. Простейший анализ позволил обнаружить его в желудке вашей свекрови вместе с остатками ее последней трапезы. Отсюда вывод. Таблетки она приняла одновременно или почти одновременно с едой.

И следователь снова взглянул на Таню, словно ожидая, что она ему что-нибудь подскажет. Но что могла сказать Таня?

– Я хочу поговорить со своим мужем. Могу я это сделать?

– В реанимации нельзя пользоваться мобильными устройствами. Но полагаю, как только вашего супруга переведут в палату, он сам с вами свяжется.

– Поверьте, я не травила свекровь. Понятия не имела, что она вообще припрется в тот вечер к нам в гости.

– Вы ее не ждали?

– Нет! Обычный рабочий день, начало недели. Я жарила эти котлеты для нас с мужем. Сделала много, чтобы хватило надолго. На неделе трудно заниматься готовкой. А тут кинул несколько котлеток на сковородку, подогрел и порядок. А можно и холодными. Мои котлетки и холодными тоже хороши. И никакой альбрукатин я в них не клала. Проверьте сумку свекрови. Возможно, альбрукатин затесался среди других ее таблеток. Она пила их горстями.

Следователь пообещал, что так и сделает. После чего откланялся и ушел, оставив Таню в весьма смешанных чувствах. С одной стороны, ей было страшно. Она чувствовала, что в случившемся со свекровью несчастье подозревают именно ее. Оно и понятно, кого полиции еще подозревать. Свекровь была вдовой. Был бы жив супруг, он бы занял почетное первое место в списке подозреваемых. Но раз нету супруга, сгодится невестка. Не сыновей же подозревать! Тем более что те пострадали вместе с матерью.

А вот Таня не пострадала. Не было у нее аллергии на этот альбрукатин. Но у свекрови и у Вальки была. И у мужа тоже была. Одна кровь, одна аллергия. Что-то такое неясное промелькнуло в голове у Тани, но тут же она сосредоточилась на другой мысли.

– Из-за чего вчера началась у нас эта свара? Ах да! Из-за Афродиты! Свекровь потребовала, чтобы я избавилась от Диты. А до этого свекровь говорила, что недавно они с Валею посетили какой-то новый диагностический центр, где у Вали, помимо прочих аллергенов, выявили аллергию на собак. Что это был за центр?

И Таня изо всех сил принялась вспоминать. Сначала дело шло туго. Потом Тане удалось вспомнить название улицы, где располагался этот центр.

– Улица Комсомола. Где-то возле Финляндского вокзала. Уже кое-что. Но надо название. Название было какое-то цветочное.

– То ли роза жизни, то ли белая лилия, – бормотала Таня себе под нос, вбивая в поисковик свои требования и ограничивая круг поисков окрестностями вокзала.

Ей повезло наткнуться на нужное заведение совсем скоро. Называлось оно «Ветка сакуры» и являлось распространителем некоей восточной медицины лей-ци. Свекровь тоже что-то вещала о том, что врачи сплошь китайцы и японцы, поэтому Таня решила, что это именно то, что ей нужно. В обеденный перерыв она съездит к этим гражданам, потолкует с ними по душам. Чем они там ее свекровь лечили и какие тесты они ей и ее детям делали?

Что-то во всем этом казалось Тане весьма подозрительным. Жила себе свекровь долго и счастливо, ни о каком альбрукатине и не думала. Она и знать не знала, что именно от него может загнуться. И что ей самой и ее детям от этого препарата грозит смертельная опасность. И ничего, прекрасно себя чувствовала. Но вот только лишь стоило свекрови эту опасность для себя самой и для своих любимых сыновей выявить, как вдруг сразу же, бац!

– И проклятое лекарство попадает к ней в желудок. Практически тут же.

Визит в «Ветку сакуры» состоялся на прошлой неделе. Результаты тестирования свекрови и ее сыновей были получены как раз в понедельник днем.

– И уже вечером свекровь умудрилась схочмячить этот альбри... алябру... бруляка... Тьфу!

Но как бы ни назывался препарат, от которого скончалась свекровь, попал он к ней при очень подозрительных обстоятельствах. Аллергия выявлена. Аллергия тут же дала о себе знать. И еще как дала! Сразу три жертвы! Одна с летальным исходом.

– Уж не врачи ли из этой сакуры постарались? Хотя зачем им травить собственную пациентку? Разве что свекровь очень уж допекла. Она это умела. Вот они и решили от нее избавиться любым путем. А что? Очень удобно. Сами выявили, отчего человек может скопытиться. Сами же ему этот препарат и подсунули.

Но зачем тогда было травить Валю и Саню? Они-то ведь без поддержки своей мамочки вели себя тише воды, ниже травы. Разве что отравитель не ожидал, что мамаша начнет пичкать своих великовозрастных сыночков тем же лекарством, которое принимает сама.

– Потому что единственный вариант, когда свекровь могла слопать отраву, когда она пила свои таблетки. Я в фарш никакого альбрукатина не добавляла. Подсыпать его в котлеты потом уже было невозможно. Салат резал муж сам. Остальные закуски лежали в холодильнике, никто посторонний к ним не прикасался. Да и как запихнуть таблетки в салат? Даже если растолочь их в порошок, все равно будет виден порошок. Разве что питье? Вдруг кто-нибудь приходил и добавил лекарство в стаканы с компотом?

Компот Таня варила густой. Мама давала ей достаточно замороженной смородины со своей дачи. Смородину Валя милостиво оставлял на кустах, ее вкус казался ему слишком резким. А вот компот из нее он любил. Он запросто мог употребить и три стакана, и пять. Таня помнила, что утром у нее в холодильнике стояло две банки по полтора литра в каждой. А когда Таня вернулась с работы, компота оставалось лишь на самом доньшке. Значит, каждый из гостей мог выпить по литру.

– В темном компоте можно было растворить таблетки. Или влить раствор.

Таня уже успела узнать, что лекарство выпускается в виде таблеток для приема внутрь. И в виде раствора для внутримышечных или внутривенных инъекций. Но выпить этот раствор тоже можно было запросто. Если даже гостям компот и показался горьковат, то они списали бы это на особенности ягоды. А свекровь, конечно, не преминула бы заметить, что у плохой хозяйки при очередном кулинарном фиаско всегда продукты виноваты.

– Но я лекарство ни в котлеты, ни в компот не подмешивала. Значит, это сделал кто-то другой.

Но кто мог прийти к ним во время застолья? Ничего такого Таня от своих близких не слышала. Они ни словом не упомянули о том, что к ним кто-то приходил, следовательно, и отравить пищу или напитки не мог. Но если никто не подливал и не подсыпал в еду или питье, тогда оставались таблетки в сумке у свекрови. Их вполне могли подменить хотя бы в той же «Ветке сакуры».

– Сами аллерген определили, сами свекровь им же и отравили, – восхитилась Таня. – Молодцы! Оперативно работают. Прямо профессионалы! Надо выяснить, не было ли аналогичных происшествий с другими клиентами этой клиники.

Едва дождавшись обеденного перерыва, Таня прямой наводкой помчалась на улицу Комсомола. Там она не без труда, поплутав по дворикам, нашла вывеску с иероглифами и веткой какого-то дерева. То ли слива, то ли вишня, то ли яблоня или даже вовсе абрикос. Какое-то время Таня молча тарасилась на эту вывеску. Сакура или нет? Сюда бы ее маму, она бы точно сказала. Но Таня не была таким уж великим знатоком плодовых деревьев, поэтому она колебалась.

Внезапно двери перед ней растворились, и наружу выкатились два круглых цветастых шара. У Тани от удивления даже рот приоткрылся. Это было удивительное зрелище. Шары были огромные. И нарядные. Один был красный с золотыми драконами, другой темно-синий, а драконы на нем были уже серебряными. Они напоминали елочные новогодние шары, которые принято вешать на елку. Сверху у них были даже специальные пимпочки и крючочки, с помощью которых шары крепятся к веткам. Сходство было бы точным, если бы не гигантские размеры шаров. Что в высоту, что в ширину, они были больше обхвата рук Тани. И даже встав на цыпочки, она бы вряд ли дотянулась до их макушек.

Но не это заставило Таню оторопеть. Огромные шары не просто двигались, они еще и разговаривали друг с другом. Язык их был Тане непонятен. Но зато она поняла, что никакие это не шары, а просто два невероятно толстых и крупных китайца, наряженных в цветастые кимоно с драконами. На головах у них были шапочки, принятые Таней за украшения шариков. А крючки были всего лишь загнутыми косичками, которые торчали у них над шапочками.

Увидев Таню, мужчины прекратили свою беседу. Они сложили свои пухлые ручки на груди для приветствия и выжидающе уставились на молодую женщину.

– Скажите, это медицинский центр «Ветка сакуры»? – спросила она у них.

Мужчины ничего не ответили. Вместо этого они оба неожиданно поклонились ей, а затем расступились, давая пройти. Они даже двери перед ней отворили, что было с их стороны уж вовсе верхом любезности. Таня прошла внутрь, приятно ошеломленная таким приемом. К ее удивлению, шары проследовали за ней. Один поддерживал ее за правый локоть, другой за левый, и Таня чувствовала себя почти королевой. Не хватало лишь короны на голове и скипетра в руках.

За стойкой регистратуры ей навстречу поднялась миловидная японка в кимоно и со сложной прической на густых темных волосах. Она поклонилась Тане не меньше семи раз, приветствуя ее заранее заготовленной речью. И ни за что не захотела приступить к делу, прежде чем пожелала Тане и всем ее близким здоровья, процветания, долголетия, множества благ, великолепного восхода, восхитительного заката и источника со свежей ключевой водой, как раз когда ее будет томить жажда.

– Мне рекомендовала вашу клинику... родственница. Она недавно посетила вас и теперь в полном восторге от качества оказанных ей тут услуг. Я бы хотела все то же самое.

– Назовите мне ее фамилию, чтобы я могла полнее понять, о чем идет речь.

Таня сказала. И ей показалось, что, когда прозвучала фамилия свекрови «Егорова», девушка слегка напряглась. Тем не менее она склонилась над монитором, пальцы ее проворно запорхали по клавишам, словно диковинные бабочки. На каждом пальце было какое-нибудь украшение. И каждый ноготь был раскрашен по-своему.

– К моему огромному сожалению, пациентки с такой фамилией у нас нет.

Таня не была готова к такому ответу. Нет, конечно, она не ожидала, что ей сразу же выложат всю правду о том, что тут у них творится. Но все же и такой откровенной лжи она тоже не ожидала.

– Но она была тут! Я это точно знаю. Она приходила. Делала обследование.

– Возможно, она посетила нас под другой фамилией. Никаких документов мы у своих посетителей не спрашиваем. Этого и не требуется.

– Ах вот как!

Таня едва не рассмеялась от облегчения. Никаких мрачных тайн, просто свекровь записалась под чужой фамилией. От нее всего можно ожидать. Наверное, предпочла назвать свою девичью фамилию.

– Тяпкина! Посмотрите на эту фамилию!

Но и такой не оказалось.

– Не расстраивайтесь. Вы помните, какого врача она посещала?

– Она делала у вас пробы на аллергию.

– Что-то не в порядке?

– Ну что вы! – расплылась в улыбке Таня. – Все в полнейшем порядке.

Если не считать, что после ваших проб пациентка скончалась.

– Я хочу себе сделать такие же.

– Тогда вам может помочь лишь один доктор. Все направления на процедуры или обследование выписывает он. Хотите пройти к нему?

– Да. Можно прямо сейчас?

– У доктора Хиу Чин все расписано до следующего месяца. Но вам повезло, как раз перед вашим приходом позвонила одна его пациентка. Она не сможет прийти. Пойдете вместо нее?

И кто бы отказался? Только не Таня. Провожать ее вызвался красный шар с золотым драконом. Ноги его были совсем скрыты под длинным кимоно. И он так мелко семенил ими, что создавалась полная иллюзия, что он не идет, а катится по гладкому полу. Он поддерживал Таню под руку и развлекал ее разговором на языке, которого она не понимала.

Но зато по дороге золотой дракон успел показать ей несколько фокусов с исчезновением шелкового платка, монетки и крохотной птички, которые попеременно то появлялись, то вновь прятались в складках его одежды. Это приятно развлекло Таню, хотя она и не поняла, какое это имеет отношение к медицине. Разве что на Востоке принято считать, что тело и дух связаны. И если человек находится в приятном расположении духа, то можно считать, он уже на полпути к своему выздоровлению.

Как ни отвлекал Таню ее провожатый, она все же сумела заметить некоторую странность. В коридорах клиники им не встретился ни один человек. И вообще, насколько могла вспомнить Таня, с того момента, как она перешагнула порог этого странного места, она не видела никого, кроме двух драконов и девушки за стойкой. Не было видно ни других посетителей, ни также врачей. Похоже, что «Ветка сакуры» была далека от процветания.

Да и место они выбрали себе на задворках. Кто не знает, нипочем их не найдет.

И Таня снова подумала, что очень странно, почему ее свекровь обратилась именно в эту клинику. Свекровь крайне бережно относилась к своему здоровью и здоровью своих мальчиков. Она посещала исключительно брендовые европейские клиники или отечественные, но обязательно входящие в десятку лучших. Оплачивали все эти мероприятия, разумеется, Саня с Таней. И вдруг эта сомнительная «Ветка сакуры» с ряжеными на входе. Интересно, кто посоветовал ее свекрови?

Но обдумать этот вопрос Таня не успела. Они с красным шаром уже пришли. Перед ними в мягком полумраке, который царил во всех помещениях центра, вырисовывалась дверь. Она была украшена колокольчиками, которые при малейшем движении начинали мелодично

позвякивать. Золотой дракон замер, затем он бережно коснулся руки Тани, показывая знаками, что дальше он идти с ней не смеет. Затем он согнулся перед ней чуть ли не в три погибели и, непрестанно кланяясь, начал отступать назад. Его огромное шароподобное туловище было единственным ярким пятном в наступавшем со всех сторон полумраке. И Тане внезапно стало жутковато.

Чтобы избавиться от этого ощущения, она кашлянула, потом толкнула дверь и вошла в кабинет. Но лучше от этого ей не стало. Напротив, теперь ощущение чего-то неправильного лишь усилилось. Внутри был все тот же полумрак, скорее подходящий для гадательного салона, чем для клиники медицины, пусть и такой нетрадиционной. Но кроме полумрака, мягко окутывающего все вокруг и мешающего рассмотреть помещение целиком, в воздухе был разлит странный аромат.

– Фу! Ну и навоняли они тут!

Таня сморщила нос, пытаясь понять, чем пахнет. Тут был и запах гвоздики, и кориандра, и еще множество сладких и горьких ароматов, так что впору было подумать, что она где-то в кондитерской. Но всех этих запахов было слишком. И как всегда бывает, переизбыток породил отторжение. Тане захотелось открыть окно, впустить струю свежего воздуха. Но окон в этом странном кабинете не наблюдалось.

Воздух был такой плотный, что, казалось, его можно было резать ножом. То ли от духоты, то ли от запахов у Тани закружилась голова. А в ушах раздался тоненький звон. Таня не знала, откуда он идет, но звук становился все более громким и настойчивым. Таня закрутила головой, пытаясь избавиться от неприятного чувства. На какой-то момент ей это удалось, потом звук вернулся. Теперь он буквально впивался ей в черепную коробку, вибрировал и сверлил мозг. У Тани дико разболелась голова. Она с удовольствием удрала бы из этого места, но не смогла найти дверь.

– Где же она? Где?

Паника быстро охватила Таню. Ведь только что дверь была на месте. Вот тут, у нее за спиной, имелась дверь. Таня через нее вошла в эту странную комнату. Но стоило Тане отойти от двери на два шага, как дверь куда-то делась. Растворилась в воздухе. Исчезла! Караул! Спасите!

– Да как же это?! – бормотала Таня, пытаясь руками нашарить потерявшуюся дверь. – Куда же она исчезла?

Умом она понимала, что дверь не могла никуда деться. Но страх оттого, что дверь упорно не находилась, был сильнее доводов логики.

Внезапно Таня почувствовала, что за ее спиной кто-то стоит и наблюдает за ней. Обернувшись, она вскрикнула. Позади нее стояла маленькая фигурка, завернутая во что-то темное. Кругленькое тельце, сложенные на груди ручки, круглая голова с прилизанными к ней гладкими черными волосами, казавшимися отлакированными.

– Вы... доктор?

Фигурка слегка поклонилась. Затем доктор протянул руку, дотронулся до Тани и... Вспышка! Яркий белый свет на мгновение залил всю комнату. После сумрака, к которому уже успели привыкнуть глаза, свет ослеплял, он жег, он пугал. Длилось это ровно одно мгновение, но и его Тане хватило, чтобы окончательно потерять присутствие духа. После того как свет погас, она уже ничего не видела. Рванула вперед, налетела на что-то круглое и мягкое, испуганно и протестующе пискнувшее под ней, поняла, что споткнулась о доктора, но удержать равновесие не сумела, упала и ударилась обо что-то головой.

На сей раз что-то оказалось твердым и неподдающимся. На секунду перед глазами у Тани вспыхнули звездочки, но длилось это все ровно одно мгновение. И затем тьма вновь окутала Таню. На этот раз это был не тот полумрак, что царил в помещении до яркой вспышки, а полноценная настоящая темнота. Без мыслей. Без чувств. Без эмоций.

Глава 3

Ритуал вечерней собачьей прогулки в семье собачников так же незыблем и неизменен, как пирамиды Египта. Ровно в десять часов вечера Саша отправлялся со своим питомцем на улицу. Барон уже заранее знал, что скоро они с хозяином пойдут гулять. Каким образом пес определял точное время прогулки, Саша никогда понять не мог. Вроде бы на часы Барон не смотрел, однако по каким-то одному ему ведомым признакам с половины десятого пес чувствовал, что время икс приближается, и начинал тревожиться. Он крутился возле хозяина, тыкался ему в руки своим влажным носом, подталкивал головой. И стоило Саше на него посмотреть, призывно лаял, припадая передними лапами на грудь.

– Ну что тебе надо? Что? Гулять хочешь?

Барон в ответ смотрел, склонив голову. А потом снова принимался бегать кругами возле Саши, то и дело убегая в коридор. Мол, не пора ли нам уже пора? А уж когда часы били десять, Барон и вовсе сходил с ума. Нервозность его возрастала многократно. На собаку просто жалко было смотреть. И дело тут было не в физиологии, даже если Барона перед этим выводили, в десять он все равно требовал положенную прогулку, а пуще того, ждал он встречи со своими дорогими друзьями – другими собаками и их хозяевами.

Может, какие собаки и равнодушно относились к таким встречам, но не Барон. Пес был на редкость дружелюбен, способен вилять хвостом всякому, кто проявлял к нему хоть каплю интереса. Будучи маленьким несмышленным щенком, Барон пытался дружить даже с кошками. Но те его благих намерений не понимали и шипели в ответ весьма злобно, да еще норовили ударить когтистой лапой по морде.

После нескольких таких уроков Барон усвоил, что нормально дружить с кошками невозможно, эти странные создания не желают ни обнюхаться, ни познакомиться толком. Не подпускают к себе ближе чем на полметра. И как же с ними играть? Ага! Придумал! И Барон начал с кошками игру в салочки. Впрочем, бегал он за ними тоже больше для виду, никакого особого азарта в это дело не вкладывая и зла кошкам тоже не желая. И кошек, даже догнав их, никогда не обижал. Салил лапой по спине или боку и мчался в обратном направлении. Догоняй! Но кошки почему-то в эту веселую, на взгляд Барона, игру никогда не включались. Норовили убежать или спрятаться. Скучные создания. И что с ними не так?

Одев Барону ошейник, Саша взял в руки поводок. Сделал он это больше для порядка, Барона на поводок брать было не нужно, пес и сам знал, когда надо идти рядом с хозяином, когда и где можно побегать и подурочиться. По дороге, где могли встретиться машины, шел чинно, вышагивая лапами, хотя и поглядывал по сторонам с большим интересом. Зато на полянке стартовал, словно выпущенная из лука стрела. Летел над землей, едва касаясь ее своими лапами. И лишь уши трепетали за ним на ветру как два пиратских флага.

– Привет!

– Добрый вечер – кормить нечем!

– Вот и вы пожаловали!

– Барон, дружище!

Компания собачников в их районе подобралась большая. Приходили все примерно в одно и то же время, кто-то задерживался минут на десять-пятнадцать, кто-то был согласен гулять часами. У Барона было множество друзей. Были и недоброжелатели или просто собаки строгого нрава, которым были не по вкусу выкрутасы Барона, который был пес молодой и большой любитель подурочиться, побегать, попрыгать, погоняться за кем-нибудь или самому удрать. Никакого смысла в этих играх не было, одно баловство.

Чаще всего Барон играл с тремя собаками. Лучшим его другом был огромный хаски – Арнольд, вторым шел бигль Луна и третьей, как ни странно, была совсем маленькая собачка

– Дита, которая хотя и отличалась крохотными размерами, но брала неугомонным заводным характером. Именно она придумывала самые интересные игры и подбивала больших собак на многие их проделки.

Но сегодня Дита была непривычно печальна и молчалива. Сидела на руках у Сани – своего хозяина, спускаться на землю отказывалась и даже играть не хотела. Повиляла, правда, хвостиком, увидев Барона, но потом отвернулась, спрятав мордочку в куртку хозяина.

– Что это с ней? Заболела?

– Скучает.

И Саня погладил собачку по голове. Вид у него тоже был не особенно хорош. Бледный и какой-то осунувшийся. Тоже заболел?

– Нет, я здоров. Да и Дита в порядке. Просто Таня до сих пор не вернулась, вот собака и терзается.

– А куда Таня пошла? В гости?

Саша невольно заинтересовался. Симпатичная хохотушка Танечка всегда вызывала в нем теплые чувства. Конечно, она была замужем, и Саша этот факт уважал, но никому ведь не запрещено любоваться чем-то, пусть оно и принадлежит другому человеку.

– В том-то и дело, что я не знаю, где она.

И Саня горько вздохнул.

– Меня всю ночь дома не было. Мы в больницу вчера с братом угодили. Сегодня в полдень меня из реанимации выпустили, я сразу Тане стал звонить, а она трубку не берет. Звонил ей до пяти вечера. Все без толку. На работе сказали, что как в обед ушла, так и нету ее. Ждал, что сама перезвонит, какое там. Извелся весь, из больницы в шесть вечера удрал. Подловил врача и заявление написал, что, если со мной что-нибудь случится, к врачам в отделении претензий не имею и ответственность за свой поступок беру на себя.

Разумеется, Саша пожелал узнать о том, что же такое случилось с его приятелем, отчего он угодил в реанимацию. А узнав, глубоко задумался.

– Значит, твоя мать погибла в результате отравления? Брат в реанимации? А сам ты чудом выкарабкался?

– Да.

– И еще Таня пропала, – заключил Саша. – А ты ее хорошо искал?

– Уж можешь мне поверить! Всех наших общих друзей и знакомых обзвонил, никого не пожалел, всех на уши поставил. Мать Тани тоже со своей стороны обзвонила тех, чьи телефоны я не знал. Нигде Тани нету.

– А она не могла...

– Что?

– Ну... Не могла она просто спрятаться?

– От меня?

– Вы с ней не ссорились, нет? А то женщины это могут. Когда моя мама на отца пару раз обижалась, то она к моей бабушке, своей матери, уезжала. Спряталась у нее, а матери не велела об этом говорить. Мой отец к теще приехал, а моя бабуля давай ему врать почем зря. Не знаю, мол, где доченька. Охала и ахала, вполне естественно пугалась и переживала, где же ее любимая дочь и куда делась. До того в роль вошла, что ей даже сердце прихватило. Хотя мама все это время в соседней комнате сидела, и бабушка об этом прекрасно знала.

Саша рассказал эту сокрушительную историю из жизни своей семьи и тут же пожалел об этом, с таким осуждением покачал головой его приятель.

– Нет, на Таню это совсем не похоже. Такие фокусы не в ее духе. Она вполне разумный человек.

А Сашина мама, значит, дура набитая. Так надо было понимать слова Сани. Но Саша не стал обижаться. В конце концов, человек имеет право на свое мнение. Но про себя Саша отметил, что, действуя из лучших побуждений, частенько можно здорово сесть в лужу.

– Да и не ссорились мы с Таней. Это с мамой моей они вчера немножко из-за Афродиты поссорились. Но это у них обычное дело. Ни одной встречи Тани с матерью еще не обходилось, чтобы Таня не наговорила бы матери каких-нибудь дерзостей, а та не объяснила бы Тане, что так вести себя в приличной семье не следует.

– Значит, Таня и твоя мать не ладили?

– Это Таня не ладила. А мама... Мама была ангел! Она всех была готова учить жизни! Но Таня никак не хотела понять, что мама желает ей лишь добра. Вечно на маму фыркала.

Если отношения свекрови с невесткой были таковы, как описывал их Саня, то вдвойне странно, что Таня в такой момент взяла и куда-то спряталась. Напротив, она должна была бы теперь всю торжествовать победу над ненавистной врагиней, долгие годы отравлявшей ей жизнь и теперь исчезнувшей из поля зрения. Пришел и на улицу Тани праздник. Отныне ее свекровь упокоится с миром на кладбище, а ценный трофей – Саня целиком и полностью достанется выжившей победительнице.

Сашу унес поток его мыслей, и он не сразу сумел вынырнуть из глубокого омута. Поэтому предыдущего вступления он не слышал, а очнулся в тот миг, когда приятель произнес:

– Ты, я слышал, мастак на такого рода дела.

– Какие еще дела и какого это рода?

– Искать пропавших людей.

– Но я...

– Помоги мне! Найди Таню!

– Обратись в полицию. Это их работа.

– Ходил! – обреченно махнул рукой Саня. – Они и слушать меня не хотят. Говорят, что надо подождать. Может, она еще сама вернется.

– Правильно, в принципе, говорят.

– Нет, я чувствую, что с ней что-то неладно. Таня никогда не позволила бы себе так пропасть. В такой момент оставить меня одного! Мама умерла! Валя до сих пор в реанимации. Таня же понимает, в каком я состоянии. Понимает, что я нуждаюсь в ней. Мне даже кажется...

Но тут Саня осекся. Огляделся вокруг себя, словно боялся, что его может кто-то подслушать. А потом, поманив Сашу за собой, отошел в сторону.

И уже там, понизив голос, произнес:

– Мне кажется, что все эти случаи могут быть связаны между собой!

– Какие?

– Смерть мамы – это не просто несчастный случай. Кто-то целенаправленно подsunул этот альбрукатин, который и свел ее в могилу. Она от него задохнулась. Убийца знал, что лекарство произведет на нее такое действие. Фактически он дал маме яд. Совершил убийство! Наверное, нас с братом тоже планировали устранить, но мы оказались покрепче или аллергия у нас оказалась не такой сильной.

– А Таня? Она тоже рисковала быть отравленной.

– Таня-то тут с какого боку? – возмутился Саня. – Она не из нашей семьи.

– Не из вашей?

– Я имею в виду, что она не приходится нам кровной родней. На нее лекарство не могло оказать воздействия. Она же не аллергик. И вот поэтому ее решили известить как-то иначе. Боюсь, что Таня в опасности. Или она вовсе мертва.

– Ты подожди паниковать раньше времени. Таня найдется. Брат выздоровеет так же, как и ты.

– А мама?..

– Маму уже не вернешь. Но все мы смертны. Возможно, ее смерть стала результатом несчастного случая.

– Я в такое не верю!

Откровенно говоря, Саше тоже не верилось. Но он совершенно не представлял, с какого боку взяться за это дело. Даже если предположить, что кто-то взялся известить семью Тяпкиных

– Егоровых, то кто этот человек?

– Может, у вас есть какие-то враги?

– Следователь, который расследует смерть мамы, меня тоже об этом спрашивал. Он приходил ко мне в реанимацию. Я смог припомнить лишь одного человека, который мог желать маме зла.

– И кто это был?

– Таня.

Саша едва удержал свою нижнюю челюсть на месте.

– Но ты же не думаешь, что твоя жена прикончила твою мать, а потом на всякий случай решила избавиться и от тебя с братом?

– Она могла не подумать, что мама заставит и нас проглотить эти таблетки. А потом было уже поздно. Таня не могла вмешаться, не могла остановить меня. Не говоря уж о том, что одного Валю она охотно бы спровадила следом за мамой.

Саша посмотрел на приятеля. Он это говорит всерьез?

– Неужели ты думаешь, что, кроме Тани, уж и некому было пожелать твоей маме зла?

– Мама была ангел.

Саша встречался с этой дамой всего пару раз в жизни, но за короткое время сумел понять, что кем-кем, а уж ангелом покойница точно не была. Напротив, Саше казалось, что дама была персоной, которая способна и святого вывести из себя.

– Да, светлый ангел. Всем помогала.

– Помогала?

Помимо воли в голосе у Саши прозвучало сомнение.

– Она всегда знала, как нужно поступить. И учила этому людей.

– И они были благодарны ей за науку?

– Мама желала всем исключительно добра. Но люди этого не понимали.

Саша слушал и понимал, что желающих устранить эту даму – благодетельницу, любительницу поучить всех вокруг жизни – могло быть страшно много. Но вопрос в том, у кого хватило духу привести свои замыслы в исполнение? Надо было искать какого-то вполне конкретного персонажа, который сумел подобраться к своей жертве на достаточно близкое расстояние, чтобы подсунуть ей этот альбрукатин.

– А следователь встречался с Таней?

– Да. И ее коллеги сказали, что Таня после его ухода тоже быстро собралась и уехала. Больше она на работу не возвращалась. И тут еще одна странность. На работе мне сказали, что Таня отправилась в какой-то медицинский центр. Это они поняли по ее закладкам в компьютере. Она искала какую-то «Ветку сакуры». Так они мне сказали.

– Надо туда съездить.

– Первое, что я сделал, выйдя из больницы, отправился туда. Правда, было уже часов восемь, когда я приехал на улицу Комсомола, где эта «Ветка сакуры» находится. Но все равно было еще светло. И если бы такой центр был, то я бы его нашел. Но все дело в том, что по указанному адресу я не нашел никакого медицинского центра.

– Как же так?

– Вот я тоже не понял, как это так. Начал бродить по округе, расспрашивать людей. Жилых домов там почти нету. Все какие-то промышленные кварталы. Кто из прохожих мне встречался, все в один голос надо мной смеялись. Это все были люди рабочие, если и лечились,

то по полису в обычной районной поликлинике. Ни денег, ни желания посещать сомнительных частников у них не было.

– Не могла ли это быть ловушка?

– Вот и я о том же! – воскликнул Саня. – Ловушка! Это первое, о чем я подумал, когда узнал, что «Ветка сакуры» куда-то растворилась. А ведь по-хорошему эту китайскую лавочку надо было бы хорошенько тряхнуть. Моя мама поехала туда и погибла! Таня поехала туда и пропала!

– погоди, я не пойму. Твоя мама тоже посещала этот центр?

– Да! О чем и речь! Я тебе разве этого не сказал?

Саша покачал головой. Теперь и ему тоже исчезнувшая в неизвестности «Ветка сакуры» казалась весьма подозрительным местом. Что это за клиника такая, в которой пациенты то попадают в больницы, то исчезают, а то и вовсе гибнут? Ни о каком совпадении тут речи даже не шло. Совпадение – это когда один случай, а когда сразу несколько – это уже, извините, похоже на закономерность.

– А что твоя мама говорила про свое посещение этой клиники? Может, она встретила там кого-нибудь из своих прежних знакомых? Может, когда-то этот человек ее люто ненавидел, а тут увидел и захотел отомстить?

И возможность такая отличная представилась. Несчастливая могла сама пожаловаться своему врагу на новую беду – аллергию на альбрукатин. Сказала об этом просто так, даже не подозревая, что дала тому смертельное оружие против самой себя.

– Ничего такого мама не говорила. Кроме того, направила туда маму ее старая подруга – тетя Зима.

– Ты хотел сказать, тетя Зина?

– Тетя Зима. Зима – это ее имя. Она туда как-то ходила и пришла в полный восторг. Ей там все очень понравилось. Впрочем, тете Зиме везде нравится, где согласны слушать ее воспоминания полувековой давности. Она и посоветовала эту клинику маме.

– А эта тетушка Зима... Она как? В порядке? Может, она тоже в больнице? Или даже... умерла?

Глаза у Сани сделались большие и круглые.

– Не знаю, – прошептал он. – Надо ей позвонить!

С подругой его мамы все было в порядке. Тетя Зима чувствовала себя превосходно. Впрочем, это было ровно до того момента, когда Саня по неосторожности проговорился о том, что его мама скончалась. И вот тут началось. Тетя Зима зарыдала. Потом попыталась упасть в обморок. Потом она начала звать к себе сына, невестку, внуков и даже оказавшихся у них в гостях друзей внуков, которым было, конечно, очень интересно послушать о том, каким замечательным человеком была покойница.

Сане с огромным трудом удалось прорваться сквозь поток жалоб и стонов на несправедливость.

– Китайская клиника? «Ветка сакуры»? Ну да, я рекомендовала. А что? Разве это может быть как-то связано? Мне ее, в свою очередь, рекомендовал кто-то из знакомых. Я ходила. Мне там понравилось. Врачи безупречно вежливые. Персонал вышколенный. Что за лечение мне там проводили? Сеанс массажа Шу-цу. Не слышали о таком? Уникальная техника. Ей не меньше восьми тысяч лет. Она известна китайцам со времен сотворения мира.

– Не знал, что у этого события, оказывается, есть точная дата, – съехидничал Саня. – Нет, я знал, конечно, что на все про все у Господа Бога ушло всего шесть дней, а на седьмой он лег почивать. Но чтобы точная дата, от которой вести отсчет...

– Я говорю не о том дне, когда был создан этот мир, балда ты эдакая! Речь идет о мирном договоре, который был подписан сыновьями Великого Дракона в Звездном храме. Там же

многоумудрому Лао-цзы, предку нашего доктора Хиу Чин, были открыты тайны этого ритуального лечебного действия.

– Лао-цзы, если я не ошибаюсь, жил всего лишь в четвертом-пятом веках до нашей эры. А вы говорите про восемь тысяч лет. Куда-то пропали еще шесть с половиной тысяч лет, вам не кажется?

– Ты меня путать будешь или слушать, что я тебе рассказываю?

– Слушать, – вздохнул Саня.

– Так вот, может, в датах я чего и напутала, но методика Шу-цу очень древняя. И с давних пор она передается в семье врача из поколения в поколение. И доктор Хиу Чин прямой потомок Лао-цзы по мужской линии. А Лао-цзы был первым врачом, который практиковал этот массаж, излечивая им все болезни своих пациентов!

На сей раз Саня промолчал, он решил, что себе дороже объяснять тете Зиме, что Лао-цзы был китайским философом, вряд ли имеющим отношение к технике массажа, а Хиу Чин – это вообще имя китайского писателя. Саня уже смекнул, что сотрудники «Ветки сакуры» здорово поднаторели в обмане своих доверчивых клиентов. И поэтому дальше он слушал тетю Зиму, не перебивая ее повествования. Техника массажа поражала своей простотой. Брался некий струнный музыкальный инструмент под названием гиуос-ли, а на нем наигрывалась мелодия.

Тут уж Саня не выдержал и снова съязвил, спросив:

– Инструмент тоже из Древнего Китая?

И совсем не удивился, услышав в ответ:

– Ну разумеется! Это даже не мелодия, а простой перебор струн. Но звуковой эффект потрясающий! Гармонизирует все энергетические чакры человека. Я с первого раза почувствовала облегчение всех болей. Ждала с нетерпением второго сеанса и потом летала туда как на праздник.

С помощью игры на любом музыкальном инструменте, если он исправен и настроен, можно добиться того же эффекта. Положи себе гитару на пузо и бренькай на ней потихоньку. Если инструмент настроен, то ты обязательно почувствуешь прилив сил и хорошего настроения. Никуда ходить для этого не надо. Все легко, просто и доступно всякому. Но для людей вроде тети Зимы такие вещи имели ценность только в том случае, если были завернуты в яркую упаковку, желательно с иностранными буквами. И поданы ей на блюде с чеком на четырехзначную, а лучше пятизначную сумму.

К огромному сожалению тети Зимы, сеансов ей было проведено всего четыре.

– А я ведь думала, что буду ходить и ходить. Ничто не предвещало, что все закончится так быстро. Я думала, что будет хотя бы десять сеансов, прикидывала, смогу ли оплатить еще один курс. Но в тот день, когда я привела твою мать, доктор Хиу Чин сказал, что мы видимся с ним в последний раз. И он держался категорично. Мои просьбы не возымели никакого действия. Он сказал, что мое состояние полностью гармонизировалось. Дальнейшее лечение не имеет смысла. А брать деньги просто так – это мошенничество, в этом он не участвует. Как ни печально мне было прощаться с чудесным доктором, я оценила его благородство. Другой бы на его месте воспользовался моим кошельком, растряс бы меня по полной программе. А этот нет, раз для здоровья больше не требуется, то и платить не надо. И я ушла, а твоя мама осталась. Ею занялись какие-то другие врачи. Сомневаюсь, чтобы они были столь же компетентны, как Хиу Чин, но чем-то они ей там помогли, конечно. Не могли не помочь.

– Тетя Зима, у меня есть к вам одна просьба. Покажите мне, где находится эта клиника.

– Подсказать тебе адрес клиники? Или лучше показать, где она находится? С огромным удовольствием.

– Прямо сейчас и поедем. Можете?

– Ну раз такое дело... заезжай за мной, если так нужно.

И когда друзья прикатали за ней, тетя Зима, садясь в машину, с неожиданной пронизательностью уточнила:

– Ты, Саня, так заинтересовался этой клиникой. Это неспроста. Ты никак думаешь, что проведенное твоей матери там лечение могло оказаться вредным для ее здоровья? Уверяю тебя, ты ошибаешься. Хиу Чин – великий врач! Он не мог сделать ничего такого, что причинило бы Тамаре вред.

Тем не менее тетя Зима согласилась проводить сына своей подруги до того места, где находилась «Ветка сакуры».

– Хотя я и не вполне понимаю, как ты не сумел ее найти. Даже я смогла это сделать с первого раза. Хотя я хорошо ориентируюсь в тех местах, проработала там почти десять лет. И твоя бедная мамочка поделилась со мной, что ей тоже было очень приятно побывать в тех местах снова.

– Снова?

– Ты разве не знал? Твоя мама работала в том же месте, что и я. Да и твой отец тоже. Они как раз и познакомились на работе. Мы все вместе работали на фабрике «Красная нить». Разумеется, не в цехах. О нет! Мы служили в администрации. Твой отец был главным экономистом предприятия. А мама работала под его началом.

– Да, я что-то такое слышал, что они работали вместе до того, как поженились. На какой-то чулочной фабрике. После свадьбы маме пришлось оттуда уволиться, потому что в те годы неодобрительно смотрели на «семейственность», когда на одном предприятии в руководстве работали члены одной семьи. Но я не знал, где именно находилась эта фабрика территориально.

– Даже если ты сам никогда не бывал в том районе, там полно указателей на клинику. И приметная вывеска с цветущей сакурой. И возле входа стоят два привратника в синем и красном кимоно. Сунь и Хунь, так звучат их имена. Оба очень колоритные фигуры. Ты не мог их не увидеть. Или ты ослеп? Я думала, это мне глаза оперировать надо. А оказывается, у меня еще не все так плохо. У молодых-то зрение и того хуже. Под носом двух китайцев не видят, с медицинской клиникой в придачу!

Всю дорогу тетя Зима потешалась над Саней. Но когда они приехали на место, тете Зиме и самой стало не до смеха.

Выйдя из машины, она долго озиралась по сторонам, а потом призналась:

– Ничего не понимаю. Вон в том доме была клиника.

И она ткнула пальцем в двухэтажный домик, ничем не примечательный и стоящий в глубине двора.

– Домик вижу. Никакого намека на медицину нет.

– На первом этаже находилась клиника доктора Хиу Чин.

– Вы уверены?

– Конечно. Тут она была. Куда же все делось?

Тетя Зима стояла и таращилась на то место, где совсем недавно находилась клиника нетрадиционной медицины. Но приходилось признать, что нынче клиника исчезла вместе с самими докторами и, вполне возможно, с кем-то из пациентов. И чем дольше стояла так тетя Зима, тем большее возмущение ее охватывало.

– Это невозможно! – воскликнула она. – Пусть вернут хотя бы доктора!

Возмущенную пожилую даму вновь усадили в машину, где она осталась в обществе одной лишь Диты. Тетя Зима не разделяла мнения своей подруги, что от собак одна сплошная грязь. Она собак любила. И те это чувствовали. Дита моментально просекла, что тут ее не прогонят и в приют отдавать не предложат, и сама, по своей инициативе забралась на колени к женщине.

Барона друзья взяли с собой. Таким образом, дамы остались ждать, а мужчины отправились разыскивать в окрестностях хоть какие-то признаки того, что еще совсем недавно тут располагался медицинский центр.

Глава 4

Долго им ходить не пришлось. Уже на втором круге вокруг того дома, на который указала им тетя Зима, ребятам навстречу вышел сторож.

– Что это вы, молодые люди, бродите тут? – строго осведомился он у них, хмурия густые брови и как бы невзначай откидывая полу куртки, чтобы они могли полюбоваться дубинкой у него на поясе.

Друзья объяснили, что ищут клинику «Ветка сакуры», что они привезли пожилую тетюшку, которая тут уже побывала и теперь жаждет повторить процедуры у доктора Хиу Чин.

– Эка вы хватились! – усмехнулся дед. – Хиу там был или Чин какой, я не знаю. А только съехали они!

– Как съехали? Когда?

– В аккурат сегодня днем и съехали. Вывеску сняли. Пожитки в грузовичок погрузили. И поминай как звали.

– А как же помещение?

– Так это не их. Они его в аренду брали. Срок аренды к концу подошел, они и выкатились.

– Как неожиданно! – произнес Саня. – Они еще на прошлой неделе пациентов принимали. И вдруг все?

– И то правда, – согласился с ним сторож. – До конца срока аренды время у них еще оставалось. Слышал, будто бы они даже с хозяином здания переговоры вели, чтобы, значит, он им аренду продлил. Да, видать, не договорились ни о чем. Решили, чего досиживать, время терять, на новом месте уж будем обустраиваться.

– И куда они уехали?

– Этого, уж извините, я не знаю. Они передо мной в своих делах не отчитывались.

– А как их главных звать-величать, знаете?

Но сторож оказался не так прост.

– А вы, извиняюсь, с какой целью интересуетесь?

Пришлось объяснить про исчезновение Тани. И про то, что перед этим она собиралась наведаться в «Ветку сакуры».

– Нам бы хоть узнать, до них она дошла или нет? Уже хоть какой-то ориентир будет.

– Если китайцев из «Сакуры» искать, то за этим вы лучше к хозяину идите, – посоветовал сторож. – У хозяина и все документы, и бумаги. В них все изложено. Что за люди, как звать, где постоянно проживают. А мое дело маленькое, следить, чтобы во всем здании порядок был, чтобы хулиганы не безобразничали.

– Тогда подскажите, как бы нам до хозяина добраться? Где его искать?

– Чего его искать? Завтра утречком приезжайте, он сам тут объявится. Как эти из «Сакуры» съехали, так я нашему Борису Захарычу сразу и звякнул с докладом. Так, мол, и так, съехали ваши арендаторы. Ключики мне оставили. Какие будут ваши дальнейшие распоряжения насчет их помещения? Борис Захарыч и сказал, что завтра сам прикатит. Посмотрит, что там и как. Мне велел его дожидаться. Так что, думаю, раненько пожалует. Знает ведь, что моя рабочая смена в восемь утра заканчивается. Ну, полчаса – часик я еще могу задержаться, а потом уж ему сверхурочные мне платить придется. А платить лишний раз Борис Захарович у нас не любит. Так что приедет пораньше.

– Значит, хозяина здания зовут Борисом Захаровичем?

– Да, Окунев Борис Захарович.

Когда сторож произнес полное имя своего хозяина, Саня как-то странно дернулся всем телом и покачнулся, словно его ноги не держали. Но когда Саша спросил, в чем дело, лишь отговорился внезапным головокружением. Вид у Сани и впрямь был болезненный. Он как-то

очень резко побледнел. И на лбу у него выступили мелкие капельки пота. Саша даже расчувствовался. Сразу видно, что приятель любит свою Таню. Вон как переживает за свою жену! Не всякий человек способен на такие глубокие чувства.

И Саша решил, что должен помочь приятелю. Да что там должен, просто обязан! И за Таню страшно. Вот куда она делась? И Саша, не медля больше ни минуты, сразу приступил к делу.

И отгеснив сторожа несколько в сторону от Сани, сыщик сам повел допрос:

– Получается, что днем вы в здании не появляетесь?

– Мое рабочее время с восьми вечера и до восьми часов утра. А днем мне отдых положен.

– Как же вы тогда получили ключи от съехавших сегодня арендаторов? Они ведь днем съехали.

– Ключ они мне через вулканизаторщиков передали, – объяснил сторож. – С другой стороны здания у нас бокс открыт, где машины могут обувку сменить. Ребята там круглосуточно работают. Они мне ключи и передали.

Саша отметил, что надо будет заглянуть в пункт вулканизации. Может, кто-то из сотрудников клиники дружил или тесно общался с вулканизаторщиками. Надо будет проверить этот момент.

А сторожа Саша продолжал раскручивать в другую сторону:

– Получается, кто к этим докторам приходил на прием, вы не знаете? Не видели вы их пациентов, потому что в здании вас не было в это время?

Дед кашлянул.

– Как вам сказать... Работать я днем и правда не работаю, но живу-то я вон в том доме.

И он ткнул на небольшой двухэтажный коттедж, плотно зажатый между соседними зданиями, явно промышленного назначения.

– Окна моей комнаты как раз на вход их клиники смотрят. Иной раз подойду к окну и вижу, снова кто-нибудь входит или выходит. Неплохо дела у них шли, много к ним пациентов являлось. Сперва не ахти, а потом поперло. Двух привратников на входе поставили, обоих в халаты с драконами обрядили. Они там, в этой «Сакуре», такую хитрую штуку придумали, первый визит к ним – он клиенту вроде как в подарок. Вот народ валом и валил. Кто один раз придет, и больше ни слуху ни духу. Но бывали и такие, что еще помногу раз приходили.

– А кто именно? Вот эту девушку вы сегодня не видели?

Сторож внимательно изучил фотографию Тани.

– Нет, такой не встречал. Это, что ль, она у вас пропала?

– Она самая.

– Красивая, – одобрил дед. – Такая краля, что даже я бы позарился. Хотя мне в мои годы больше о другом думать бы надо.

– И вы эту девушку тут не видели?

– Вы это вот что... Вы со своим вопросом к Матвеевне подойдите.

– Кто это?

– Соседка это моя. Квартира у нее напротив моей находится. И окна тоже в аккурат на двери клиники смотрят. Матвеевна всем, что у нас во дворе происходит, очень живо интересуется. Ноги у нее уже плохо ходят, а вот голова еще соображает. Если кто и может вам помочь, то это она.

Сторож настолько разволновался из-за таинственного исчезновения молодой женщины, что лично проводил друзей до квартиры Матвеевны и попросил соседку помочь им. Матвеевна оказалась неопрятной старухой лет восьмидесяти. Ноги уже плохо держали ее упитанное тело, так что даже по дому она передвигалась на костылях. Но голова у нее работала прекрасно. И глаза под тяжелыми набрякшими веками смотрели остро и внимательно.

– И на память еще не жалею. Видела я вашу девчущку. Приходила она сегодня к этим костоправам, будь они все неладны.

– Почему вы их не любите?

– Потому что жулики! Устроили шоу! Клоунов в нарядах у входа выставили. Фонарики развесили. А копни поглубже, просто мошенники. Я к ним один раз сунулась, так они таких чудес про мои диагнозы рассказали, что я не знала, как от них и бежать. И чего было, и чего не было, все мне приписали. Если по их методике мои болячки лечить, то квартиру сразу продавать надо. Да и тогда на все процедуры не хватит!

Саше пришлось перебить разбушевавшуюся бабу:

– А когда вы видели Таню?

– Около полудня.

Время совпадало.

– А когда ушла? И с кем?

– Одна она из клиники уходила. Правда, держалась как-то неуверенно. Мне показалось, что голова у нее кружится. Долго на крыльце стояла, на улицу смотрела, за перила держалась. А вид у нее был такой, будто бы не понимала, как она тут очутилась.

– А потом?

– Ушла, наверное. Но этого я уже не видела. Отвлекли меня. Когда снова в окно глянула, как она там, ее на крыльце уже не было. Значит, ушла.

– Эти врачи с ней что-то сделали! – воскликнул Саня. – Вкололи ей какую-то дрянь, отчего Таня не в себе стала. Надо их искать!

– Я врачам вообще не доверяю, а уж про этих из «Ветки сакуры» слова доброго не скажу. Никогда не было у меня к ним доверия. И не врачи они никакие. Врачи таблетками лечат. А эти музыкой!

– Музыкой?

– Давно они тут лечением занимаются. С некоторыми пациентами у меня разговор был. Знаю, что процедура у них там есть, ляжет больной, а этот врач вокруг него ходит и в гонг бьет. Бам! Бам! Бам! И деньги за это дело совсем немалые берут. А тоже мне новость! У нас в деревне храм был со звонницей. Когда колокольный звон над округой плыл, и стар, и млад из домов выползал. И совсем не надо было для этого к шаманам бегать и деньги им за это платить. Жулики они, вот что я думаю!

Приговор Матвеевны друзья выслушали, но радости он им не принес. Где искать Таню, по-прежнему было непонятно. Саня держался той мысли, что в «Ветке сакуры» с Таней провели какой-то ритуал, после которого ей резко поплохело. И, значит, искать концы надо опять же у этих врачей.

– Тем более что исчезли как-то подозрительно быстро. Почуяли, что паленым пахнет. Одурманили Таню, опоили ее чем-то, потом собрали манатки и фьют! Ищи ветра в поле.

Сторож очень сочувственно внимал словам Сани. Матвеевна тоже поглядывала на него с вниманием.

А потом вдруг спросила:

– Ты не Егорова ли Петра Кузьмича сынок?

– Д-да... Моего отца звали Петр Кузьмич. И фамилия моя Егоров.

Матвеевна обрадовалась:

– То-то я смотрю, что похож! Прямо одно лицо!

– Вы знали моего отца!

– Ну еще бы! Сколько лет вместе с ним на фабрике отработали. Еще бы мне его не знать. Вась, ты понял, кто это к нам пожаловал? Самого Петра Кузьмича сыночек.

Сторож, которого, оказывается, звали Василием, молча кивнул. Нельзя сказать, чтобы вид у него был счастливый. Похоже, что он не испытывал никакой радости от того, кем оказались случайные гости.

Но долг свой он знал и поэтому посоветовал им:

– Вы это вот что... Если хотите этих господ хороших из «Сакуры» найти, то Борис Захарыч вам тут не помощник. Он этих арендаторов всего один раз и видел, когда договор с ними подписывал. Еще мне и жаловался, что все они не местные, рискованно таких пускать. Случись что, не знаешь, где их и искать. Прописка у них в других городах и даже в других регионах. Удерут, и поминай как звали. Не поедешь ведь в такую даль, чтобы разбираться.

– Регистрация городская у них должна быть.

– Будто бы сам не знаешь, как эта регистрация делается, – отмахнулся сторож с пренебрежением. – В одной квартире до сотни этих зарегистрированных может числиться. А живут-то они совсем в другом месте. Матвеевне тоже предлагали у себя приезжих регистрировать, только она отказалась.

– Никогда в жизни не мухлевала и даже не собираюсь на старости лет начинать. Пусть другие этими делами занимаются.

– Захарыч наш все это понимал, но времена нынче такие, что если будешь арендаторов перебирать, то с носом останешься. Вы завтра приезжайте, по нашим офисам пройдите. Хоть клиника и свой отдельный вход имела, но все равно, могли у наших арендаторов среди врачей друзья-приятели завестись.

Матвеевна своего соседа слушала молча. Но когда он закончил, сказала:

– Зря ты, Вася, думаешь, что Захарыч наш ничего не знал о том, что клиника закрываться будет. Приезжал он к ним сегодня днем. Разговаривал.

И повернувшись к друзьям, прибавила:

– Как раз когда я вашу Таню видела, я и машину Захарыча во дворе углядела. Его самого в ней не было, значит, по офисам отправился. А к кому он мог пойти? Сегодня не пятое число, чтобы он за выручкой бы в бухгалтерию приезжал. Я думаю, арендаторы этой «Ветки сакуры» собирались съезжать, вот он к ним и отправился.

– Вы видели, как Борис Захарович заходил в клинику?

Нет, этого Матвеевна не видела. Но зато она вспомнила, что когда во второй раз выглянула в окно, то там не было уже не только Тани, но и машины самого Бориса Захаровича.

– Ох!

Саня во второй раз с момента начала разговора как-то странно дернулся и привалился к стенке, словно ноги его не держали. Но Саша решил, что это приятель так переживает за жену, и деликатно промолчал. А Саня, справившись с охватившим его волнением, смог дослушать, что рассказывали ему двое свидетелей.

– Вот я и говорю, очень может быть, что Таня ваша пропавшая как раз и села в машину к Захарычу. Может, вам у него и спросить насчет вашей девушки? Куда он мужнюю жену увез? Уж не воспользовался ли он ее состоянием в своих целях?

– Матвеевна! – возмутился сторож. – Ты что это такое городишь? Постыдилась бы на хорошего человека напраслину возводить.

– Это Захарыч-то у нас хороший? Пробы на нем ставить негде!

– Ты это того... – растерялся сторож. – Потихе говори.

– А ты мне, Вася, рот не затыкай! Да взять хотя бы то, как Захарыч это здание к рукам прибрал. Ушлый жук! Здание-то на балансе фабрики числилось. Сколько себя помню, тут всегда что-то вроде офисного помещения было. Дирекция, понятно, на таком отшибе не сидела, но всякие там конторщики, счетоводы да писари – этим вполне по рангу тут было находиться. Твой отец, кстати говоря, тоже тут работал. И крутили-вертели они с Захарычем на пару. Ты это знал?

– Нет. Папа уже очень давно умер.

– Знаю, – кивнула головой Матвеевна. – В девяносто пятом его не стало. Сердечный приступ. У нас все его очень жалели. Сравнительно молодой еще мужик, мог бы еще жить да жить. А помер. Вот до чего дружба с Захарычем доводит. Ты это учти на будущее!

– Я был еще школьником, когда отец умер. И про свои дела мне отец ничего не рассказывал.

– Уж не знаю, как Захарыч это дело провернул, только когда фабрика в девяностых на части развалилась, он это здание под себя одного приватизировал.

– Ваучеры у мужиков за бутылку скупал, – глухо произнес сторож. – Когда нужное количество собрал, в совет акционеров полез. Там ему, понятное дело, совсем не рады были. Там тогда такие орлы засели, нашему Захарычу не чета. Настоящие бандиты. Но интересы свои блюли. Захарыч им с предложением и вылез. Вы мне здание на отшибе, а я вам полную свободу действий. Они и откупились от него с легким сердцем. Здание-то это совсем бросовым считалось. По ведомостям в аварийном состоянии. И от территории отдельно. И без ремонта сколько лет.

– Все там в порядке было с ремонтом, – возразила Матвеевна. – Паркета на полах не было, но с электрикой и канализацией все было исправно. И трубы, и крыша, и стены – все было в полном порядке, мне ли не знать!

– Ты-то чего так раздухарилась?

– А того! Строилась фабрика на народные деньги. Значит, и этот административный корпус тоже на твои и мои, и всех прочих наших сограждан строился. А захапал его себе один Захарыч!

– Вот и подумай, стоит ли такого человека позорить и стоит ли тебе с ним связываться. Но соседка ничуть не устыдилась и не испугалась.

И, повернувшись к друзьям, заявила:

– Так-то Захарыч мужик ушлый. Но есть у него одна слабость.

– Бабы! – подтвердил сторож.

– Очень он на них падкий. И всегда рядом с ним девчонки определенного типажа. Аппетитные.

– И обязательно с формами.

– И волосы длинные каштановые, за спиной струятся.

– А глаза голубые, в крайнем случае серые.

Все участники поисковой экспедиции стояли, слушали и понимали, что сторож с соседкой описывают женщину, ну просто очень похожую на Таню. Просто один в один.

И словно этого было им недостаточно, Матвеевна еще и прибавила:

– И очень даже ваша Таня в его вкусе.

Специально для тупых говорю, такое выражение было на лице у Матвеевны, когда она смотрела на Саню. Тот молчал. И вообще не соображал, что происходит.

Саша поблагодарил сторожа и Матвеевну, когда те продиктовали ему адрес Захарыча. Саша этот адрес сам лично и записал, удивляясь при этом странной инертности мужа пропавшей женщины. Последние минут десять Саня вел себя до крайности непонятно. Слушал вполуха, с самым равнодушным видом, словно его этот разговор и не касался вовсе. Впрочем, такое поведение началось у него не сразу, а лишь после слов Матвеевны о пропаже из их двора одновременно самой Тани и машины Захарыча. Вот тогда Саня пошатнулся. И побледнел. И как привалился к стенке после слов Матвеевны о том, что Таню мог увезти на своей машине Захарыч, так до сих пор и стоял, опершись на нее.

Он не проявлял никакого интереса к общему разговору, казалось, вовсе не слышал, о чем идет у них речь. Весь он был в каких-то своих мыслях. И даже после того, как Саша затеребил

его, объясняя, что они уже прямо сейчас могут разузнать о дальнейшей судьбе Тани, ничего не сказал.

Несколько оживился Саня после того, как они вышли из дома и вернулись к машине.

– Тетя Зима, а вы ведь с моим отцом вместе работали?

– И с отцом, и с матерью.

– А Бориса Захаровича знаете?

– Его-то? Еще бы не знать! Такой ушлый дядька! Простой кладовщик, а такую прыть в девяностых проявил! Прямо предприниматель!

– А вы знали, что это здание принадлежит Окуневу?

– Где клиника находится?

– Оно самое.

– Нет. Не знала я ничего.

По выражению лица тети Зимы было видно, что эта новость потрясла ее не меньше, чем известие о смерти подруги.

– А что за дела были у моего отца с Борисом Захаровичем, вы знаете?

– Санечка, да откуда же мне это знать? – робко произнесла тетя Зима. – Я в ту пору уже на фабрике не работала. Что знаю, только со слов прежних сослуживцев да твоей матери. Да, она мне говорила, что были у твоего отца какие-то дела с Окуневым. А что это были за дела, прости, не знаю.

Создавалось такое впечатление, что дела были не слишком приглядные. Очень уж усердно тетя Зима прятала глаза и отводила взгляд, чтобы не встречаться им с Саней.

– Мы сейчас отвезем вас домой, – сказал тот сухо. – И простите за то, что вообще потревожили вас.

– О чем ты говоришь, мальчик мой, – немедленно прослезилась пожилая дама. – Я же все понимаю.

И уже прощаясь возле дома, она попросила:

– Позвоните мне, когда найдете Танюшку. Ох, какие дела творятся. Твоя бедная мамочка. Твой братик. И еще молодая жена. Такая красавица. Такая умница. Твоя мать была ею недовольна, но ты знай, я всегда была на твоей стороне. И всегда говорила твоей матери, что она сама не ценит своего счастья.

И, омочив слезами Саню, а немного поколебавшись, и Сашу, она ушла.

– Ну что? Теперь едем к этому Захарычу?

– Нет.

– Но почему?

– Я поеду к нему один.

– А вдруг Таня у него?

– На это и надеюсь.

– Тогда это может быть опасно. Я поеду с тобой.

– Брось ты! Ну, что этот Захарыч может мне сделать? Он уже немолодой дядька. Возраст и лишний вес не позволят ему со мной драться. Ему такое и в голову не придет.

– Ему нет, – согласился Саша. – А вот ты запросто можешь навалить глупостей.

– Спасибо тебе, друг, но нет.

И без долгих разговоров Саня доставил своего помощника обратно домой.

Высадил вместе с Бароном и махнул рукой:

– Все! Бывай!

И вырулил на проезжую часть. Какое-то время Саша смотрел ему вслед, пытаясь привести в порядок свои мысли и понять, что же его во всем этом смущает. Ну, допустим, Саня не хотел, чтобы Саша стал свидетелем его разборок с мужчиной, который увез куда-то его жену. Но, во-первых, это еще не доказано, что Таня вообще села в машину к Захарычу. И если даже

она туда села, то совсем не факт, что они отправились напрямик к нему домой. Захарыч мог высадить ее у метро, довести до подруги или еще куда-то.

А во-вторых, Саша только сейчас сообразил, что в разговоре его приятель упомянул о возрасте и весе Захарыча. Ну, ладно, пусть возраст Захарыча плавно вытекал из его приключений, о которых им поведали сторож с Матвеевной. Если в девяностых Захарыч проворачивал аферы с приватизацией фабричной недвижимости, значит, ему было по минимуму лет тридцать. Значит, сейчас ему хорошо за пятьдесят.

– С возрастом разобрались. Но вес? Откуда Саня мог знать, толстый этот Захарыч или нет?

Просто предположить, что Захарыч разжирел так сильно на «прихватизированной» у честных граждан собственности, Саня не мог. С таким же успехом хапуга Захарыч мог оказаться поклонником здорового образа жизни и все свои доходы тратил не на то, чтобы вкусно, обильно и вредно покушать, а, напротив, на то, чтобы покушать максимально полезно. В наше время это является удовольствием совсем недешевым и потому находит множество сторонников среди людей богатых, которых, как известно, всегда привлекает как раз то, что стоит дорого.

Так откуда же Саня мог знать, как выглядит Захарыч, если никогда его не видел раньше?

– Что-то тут не то!

Чтобы развеяться, Саша побрел по кварталу. Время было уже позднее. Все нормальные граждане разбрелись по домам. И в гулкой тишине квартала раздавался лишь шум шагов Саши.

Но внезапно к ним примешался еще чей-то голос:

– Ну, наконец-то!

Голос был до того похож на голос Сани, что сыщик даже остановился. А в следующее мгновение он нырнул за куст акации, еще сохранивший свою пышность листвы и надежно укрывший Сашу в своей тени. Барон тут же вообразил, что это какая-то игра, и нырнул следом за своим хозяином. Осторожно выглянув сквозь ветки, Саша, к своему удивлению, увидел Саню, который шел по дорожке, не подозревая, что за ним наблюдают. Барон сделал рывок, чтобы побежать к своему другу, Саша в последнюю минуту удержал пса за ошейник. Ветви кустов колыхнулись, но Саня был слишком увлечен телефонным разговором, чтобы заметить это.

– Я уж думал, ты не хочешь со мной разговаривать. Послушай меня, я знаю, где Таня! Знаю, кто ее увез! Этот гад все-таки сдержал свое слово! Нет, ты можешь себе представить, до чего он дошел! Похитил Таню! Что? Требования? Нет, требования он пока еще не выдвигал. Да какие у него могут быть требования! Ты сам все прекрасно понимаешь. Ему нужны координаты! Ему нужна пещера! Он хочет спуститься к ключу раньше нас с тобой. Но этого нельзя допустить!

Собеседник что-то сказал, на что Саня эмоционально воскликнул:

– Конечно! Если речь встанет о выборе ты или Таня, конечно, я выберу тебя. Ты же мой брат! Но и Таня моя жена. Я должен попытаться ее вызволить.

Снова последовал промежуток, после чего Саня сказал уже значительно более спокойным и ровным голосом:

– Нет, домой я к нему не поеду. Не такой он дурак, чтобы держать Таню в таком месте, где я ее легко бы сумел обнаружить. Но я знаю, что мне предпринять.

Голос Сани удалялся и вскоре перестал быть слышен. Тогда Саша выбрался из кустов, отряхнулся и в полнейшем недоумении посмотрел вслед своему приятелю. В голове у сыщика был полнейший хаос. Только что полученная им информация никак не хотела складываться в стройную картину. В голове болтались какие-то обрывки мыслей. Они порхали там, то и дело цепляясь за жирные вопросы.

Выходит, брат Сани уже не в реанимации? В реанимации телефонные разговоры запрещены. Зачем же Саня врал, что брат все еще при смерти? Но это ладно, это можно списать на то, что Саня пытался надавить на жалость, когда просил Сашу о помощи в расследовании исчезновения жены. Но как быть с другим обстоятельством? Как быть с тем, что Саня, оказывается, и раньше был знаком с Захарычем? И неплохо знаком. И что промежду них даже есть нечто такое, что они не могут поделить! Пещеру с каким-то ключом или источником, на который также претендует Валя – брат Сани. И претензии его настолько серьезны, что он даже готов пожертвовать Таней, лишь бы оказаться в этой пещере первым.

Так что же это за пещера? И что еще скрывает Саня?

– Мне все это не нравится, – сообщил Саша, обращаясь к самому себе и к Барону. – Вот что он задумал? Куда собирается? Мне сказал, что едет к Захарычу. Даже сделал вид, что уехал, а сам закоулками назад к дому вернулся.

Но, судя по разговору, Саня все же планировал добраться до Захарыча. Но поехать Саня планировал не домой к Захарычу, а куда-то еще. Поэтому и домашний адрес Захарыча, который с такой готовностью продиктовала им Матвеевна, не вызвал у Сани никакого интереса. Он уже тогда понимал, что дома у Захарыча ему делать нечего. И что есть куда более привлекательное местечко, где Захарыч может держать в плену молодых прекрасных пленниц.

И что мог предпринять Саша? Слушать его доводы Саня бы не стал. Оставалось лишь проследить за ним. И по возможности удержать от опрометчивых поступков. Никаких более сложных планов Саша строить не стал.

– Разберусь по ходу дела.

И поспешил к дому, в котором жили Таня с Саней. Успел он очень вовремя. Подоспел как раз в тот момент, когда Саня выходил из подъезда, вынося в руках какой-то продолговатый предмет. Несмотря на то что сверток был упакован в простыню, находящаяся в нем вещь очень сильно напоминала собой длинноствольное охотничье оружие. А Саша помнил, как похвалялся Саня своими выездами в тайгу, где ему в один поистине безумно удачный день посчастливилось добыть сразу три трофея – матерого волка, здоровенного кабана и даже оленя-пятилетку.

А что? Уложив в один день столько зверей, Саня мог зазнаться. У него от таких охотничьих успехов могла слегка закружиться голова. Того и гляди, решит, что стрельба в человека – это тоже своего рода охота. Отстрелять хищника, покусившегося на Санино кровное, это и не убийство вовсе, а так, нечто вроде самообороны.

Допустить такое Саша никак не мог.

– Смертоубийств в городе нам и без того хватает.

Но также Саша понимал, что если сейчас он заявит о себе и пойдет на перехват, то Саня снова пойдет на хитрость. Скажет, что возвращается домой, а сам выждет время, да и улизнет потихоньку к этому Захарычу, разбираться. И что тогда? Прикажете Саше караулить его всю ночь, сидя у подъезда? Так и со скуки подохнуть можно. И холодно уже, чтобы ночи напролет сидеть на лавочке. Нет уж, лучше Саша отправится следом за своим приятелем. И в случае чего попридержит эту горячую голову.

Глава 5

Когда Таня открыла глаза, то обнаружила, что находится в просторной светлой комнате. Несмотря на то что комната была Тане решительно незнакома, первое, что она подумала, как тут все симпатично обустроено. Как специально сделано, чтобы Тане понравилось. Обои были приятного для глаза цвета спелого абрикоса. Мебель из беленого дуба. На окнах занавески в мелкий цветочек. Несколько спокойных пейзажей дополняли общий облик комнаты. Через окно вливался яркий солнечный свет, что придавало комнате еще большую привлекательность.

И все же Таня почувствовала легкий мандраж:

– Где это я?

Попыталась вспомнить и, к еще большему своему изумлению, поняла, что не может этого сделать. Вместо воспоминаний была какая-то черная дыра. Нет, конечно, кое-что Таня помнила. Например, она помнила, кто она такая. Помнила, где она живет. Она даже помнила, что у нее умерла свекровь. Но вот откуда она это помнит, Таня уже не понимала. Какие-то разрозненные воспоминания плавали у нее в голове, но сформировать из них четкую и ясную картину не получалось. Вдобавок голова еще немного кружилась, а затылок ныл.

– Кажется, сюда мы ехали на машине. Или это было не тут?

Несмотря на то что лежать в удобной мягкой кровати было очень приятно, Таня понимала, надо вставать и действовать. Хотя бы осмотреться для начала. Может быть, тогда привередница-память что-нибудь да и подскажет своей хозяйке. Она поднялась с постели, отчего головокружение усилилось настолько, что Тане пришлось какое-то время посидеть, чтобы хоть немного прийти в себя. Зато при этом Таня с радостью убедилась, что вся одежда на ней ее собственная. Отсутствовала лишь обувь. Но и она нашлась. Для Тани были кем-то заботливо приготовлены мягкие тапочки в виде котятков. Сунув в них ноги, Таня даже зажмурилась от удовольствия. Как мягко! Как тепло! Похоже, в этом доме живут люди, знающие толк в таких маленьких приятностях.

А вот содержимое шкафа ничем ее не порадовало. Он был, попросту говоря, пуст. Многочисленные вешалки так и зывали к тому, чтобы на них повесили вечерние платья, мужские костюмы или на худой конец хотя бы плащик. Но, увы, ничего этого у Тани не было. Она даже не знала, где ее уличные туфли. Ящики стола содержали лишь одну брошюру, которая рекламировала мебель от производителя «Белдуб». Судя по фотографиям, именно этой мебелью и была обставлена комната, в которой оказалась Таня.

Выглянув в окно, Таня увидела цветущий сад, полный ярких сентябрьских красок. Роскошные кусты георгинов соперничали по красоте и пышности с цветущими гладиолусами. Тут и там виднелись полыхающие полянки астр. Уже ранние хризантемы начинали разворачивать свои первые бутоны. И розы. Как же прекрасно они цвели! А как пахли! И сколько их было! Почему-то, глядя на этот богатый цветник, Таня окончательно убедилась, что в этом доме живут хорошие люди.

– И пора мне уже с ними познакомиться.

Выйдя из комнаты, Таня прислушалась. Она была несколько смущена тем, что совершенно не помнила, как она очутилась в этом доме. А вдруг она встретит его хозяев, но не вспомнит их? Может, они приехали сюда с мужем? А дом – это гостиница? Тогда логично, что о посетителях так заботятся. Но почему они прикатили сюда без вещей? Внезапно у нее над головой пролетело что-то маленькое и жужжащее. Оно не задело Таню, но женщина почувствовала колебание воздуха возле своего виска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.